

Марина Важова

МОТЯ, ЛАЧИК, ПИРАТ

и другие жители Земли

Марина Важова

**Мотя, Лачик, Пират.
И другие жители Земли**

Важова М.

Мотя, Лачик, Пират. И другие жители Земли / М. Важова —

«Мы с тобой одной крови» — так и хочется сказать вслед ушедшим, но не забытым четверолапым, крылатым, хвостатым, умным и не очень, — нашим любимым друзьям и питомцам. Век животов короткий, и они уходят туда, где нет ни боли, ни скорби, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. А нам остаётся память, фотографии и небольшая надежда на будущую встречу. Спасибо им за то, что наши следы пересеклись, и какой-то отрезок времени мы шли вместе.

Содержание

Часть 1. УПАВШИЕ С НЕБЕС	6
Васька	8
Рика	12
Учитель	15
Кеша	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мотя, Лачик, Пират И другие жители Земли

Марина Важова

Фотограф Марина Важова

Иллюстратор Александр Петров

Корректор Антонина Егорова

Редактор Маргарита Сарнова

© Марина Важова, 2026

© Марина Важова, фотографии, 2026

© Александр Петров, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-8321-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. УПАВШИЕ С НЕБЕС

Александр Петров, «Птичий рынок» 1981 г., х.м.
место хранения: «Вятский художественный музей».

Признаюсь – я не такой уж любитель животных. По крайней мере, не больше, чем людей. Но ведь и не с каждым человеком я могла бы существовать в одной квартире, а тем более, в одной комнате.

Всех четверолапых-двуногих посылала нам судьба.

Иногда они падали с неба – в прямом смысле. Но такое и с людьми случается. Посылает нам судьба человека, и мы принимаем в нём участие, заботимся, кормим-поим, живём с ним вместе и уже вроде как навсегда.

Именно так получилось со всеми, вернее, почти со всеми животными и птицами, которые жили у нас как члены семьи. Некоторые – по 15 и даже 20 лет, другие – всего неделю или две, потом обстоятельства разлучали нас.

Чаще всего они уходили туда, где нет ни боли, ни скорби, ни воздыхания, но жизнь бесконечная – век животов короткий.

Я буду рассказывать о наших питомцах по мере их появления в моей жизни. И о людях, так или иначе принимавших в этом участие: родственниках, друзьях. И, конечно, о мужьях: Саше, Юре и Гене.

Васька

Тётя Лена с Васькой. 1960 г.

Моё детство и юность прошли в ленинградской квартире на Васильевском острове, где я жила с четырьмя тётками и их дочерями: Валюнчиком и Олей.

Сколько я себя помню, с нами жил кот. Всегда сибирский, такие были по нраву моим тёткам. Ну, описывать сибирских котов особо не надо. Они большие, очень пушистые, коричневого окраса с рыжеватыми подпалинами и белыми лапками и грудкой.

Сначала это был Васька. Он отличался благонравием, был ласковым, но не навязчивым: можно погладить, хотя и не обязательно. Любил возлежать в коридоре, нашем длиннющем коммунальном коридоре, недалеко от входной двери, в корыте со старыми газетами.

Это было укромное место, но и прекрасный наблюдательный пункт, с которого видны все двери квартиры: кто куда ушёл, пришёл, что принёс. Входишь, бывало, в тёмный коридор, ориентируясь только на боковой свет из кухни, и вдруг два таких зелёных огонька вспыхнут – это Василий проснулся на звук открываемой двери.

Васькино благонравие и ласковость не мешали ему проявлять злопамятный характер, если его обижали. Единственным человеком, который мог это сделать, была тётя Таня, недолюбливающая котов вообще, а пушистого Ваську особенно за повсюду роняемую шерсть. Тётя Таня следила за своим гардеробом, её ворчание по поводу кота и то, как она его отпихивала ногой, если ему вздумалось об неё потереться, предвещало трагическую развязку.

И вот однажды, когда, вернувшись с работы, она шла по тёмному коридору, Васька спикировал со своего корытного насеста прямо на её ногу, всеми четырьмя лапами обхватил и несколько раз с противным мяуканьем куснул. Тут же отбежал и спрятался на кухне под табуреткой.

Больше всего тётя Таня испугалась внезапности нападения. Нога почти не пострадала, пара лёгких царапин, зато чулки – тонкую паутинку английского производства – пришлось выбросить. Больше тётя Таня Ваську ногой не отпихивала, да и он об неё не тёрся. Наступала зима, и зимняя спячка в корыте стала основным Васькиным занятием.

Но по весне, лишь только отмытые окна, выходящие во двор-колодец, снабжались марлей от комаров и мух, летевших из подсобки через чёрный ход гастронома, Васькина лёжка прекращалась, он оживал и перемещал свой наблюдательный пункт на подоконник.

Ещё бы! За окнами летали голуби, совершенно нагло и безнаказанно хлопая крыльями прямо у него перед носом. А иные, не разглядев из-за марли большую кошачью морду, садились на жестяные отливы, беспечно курлыкая и почёсывая клювами между перьев. Да кого хочешь такое przyjmёт!

Голуби летали и зимой, но окна не открывались, а на форточку Ваське было не взгромоздиться. То, что стекло ему не разбить, Василий понял ещё по молодости и, предприняв две-три попытки, оставил это безнадёжное занятие. Но ведь марля – другое дело.

Хотя как сказать... Новую, да ещё крепко и часто приклепленную к раме, конечно, не осилить, а вот старенькую, редкую – можно попробовать. Васька делал множество попыток, о которых мы узнавали по растянутой марле. Уставший от бесполезных прыжков, он шёл на кухню, где под табуреткой стояла его миска с варёной рыбой, и лишь прикончив её, отправлялся на газеты – отдыхать. Но вскоре всё повторялось по новой.

Ах, если бы он мог видеть с пятого этажа глубокое дно двора-колодца, с асфальтом, разбитым машинами, кучей ящиков по углам... Ему хватило бы умишка прекратить эти опасные попытки. Но, к сожалению, даже мы, с высоты своего человеческого роста, видели только окна третьего этажа, что уж говорить о коте.

Вразумительных бесед с Васькой было проведено множество. Окриков и угроз высказано тоже. Хлестание байковым халатным кушаком в качестве крайней меры отгоняло Василия от вожаемых окон, но ненадолго.

Сообразив, что его порывы не нравятся домашним, особенно любимой им Валечке, он прикидывался, что потерял к прыжкам интерес. Просто, как и все мы, следит за движением молодого человека, который выбрался из слухового окна и осторожно идёт по крыше к голубятне.

В душе Василий завидовал этому парню, предводителю и владельцу голубей, не прочь был с ним поменаться: так же вылезать из слухового окна, спокойно добираться до голубятни... А тот пусть сидит на подоконнике или спит в его корыте. Но тут воспоминание о миске с рыбой уничтожало невыгодную рокировку, и Васька терпеливо ждал случая.

Наконец, его настырные попытки расшатали крепёж марли, и он прыгнул...

Это произошло в полнейшей тишине, но каким-то десятым чувством тётя Лена, пришедшая с работы домой на обед, почуяла неладное. Заметив болтающийся край марли, она, как была, в тапках сбежала вниз.

Васька лежал под козырьком чёрного хода гастронома недвижимый. Только глазами шевелил, и, узнав тётю Лену, попытался встать, но лишь подёргал лапами. Тётя Лена принесла кота домой, положила в корыто с газетами. Когда с работы вернулась тётя Клава, они отнесли Ваську в ветлечебницу.

Оказалось, что у него ничего не сломано, видимо, приземлился на лапы, но отбил пузо, из-за чего неделю не ел. Потом потихоньку стал выбирать и лакать водичку, рыбный бульон, а вскоре уже ел рыбу и ходил по квартире, медленно и качаясь.

Мы решили, что этот случай навсегда отвратит Ваську от голубей. Года два так и было. Он по-прежнему следил за ними, зимой лёжа на подоконнике и опустив свой мощный зад на тёплую батарею, а с весны сидел, как в кино, и смотрел в «экран» оконного пролёта, не обращая внимания на другой, затянутый марлей.

Но однажды, в начале лета, когда мы были заняты сборами на дачу, беспамятный – или наоборот, не забывающий о своей главной мечте – Васька сиганул-таки с пятого этажа в попытке поймать голубя. Мы это не сразу поняли, прошёл час, пока Валюнчик не заметила дырку в марле окна в «маленькой комнате». Дыра была посередине, круглая, величиной с кошачью голову. Как он смог её проделать, осталось тайной.

Валюнчик принесла Ваську полуживого, в этот раз он упал на ящики, у него были сломаны лапы, рёбра, повреждена голова, отбиты внутренности. Про это мы узнали от Вали и тётки Лены, когда они, заплаканные, вернулись из ветлечебницы одни, Ваську пришлось усыпить.

Плакали все сильно, вспоминали, каким Василий был умным и хитрым, как у соседки тётки Веры таскал из кастрюли куски мяса, а она молча подозревала нас, пока не поймала кота с поличным. Даже тётя Таня, узнав о гибельном прыжке, признала Ваську весьма достойным котом. А я твердила, что слышала своими ушами, как он произнёс очень чисто: мясуо.

Год или больше прошёл, прежде чем Валюнчик принесла с работы Тарзана, тоже сибирского кота, от которого отказались из-за аллергии у детей. Тарзан был молодой и глупый, с плоской мордой и бессмысленным взглядом. Несмотря на внешнее сходство окраса, он ничем не напоминал Ваську, но и своего характера не проявил, а потому не запомнился.

Иллюстрация к повести Волк и Филин. Рика в роли Волка.

Рика

Собака, огромная овчарка, – вот, кто встретил меня в прихожей квартиры Дома Художников на Песочной набережной. Уже через полгода я поселюсь в этой квартире с мужем Сашей, а пока он привёл меня знакомить с родителями: завтра мы вместе отправляемся в путешествие с палатками.

Серьёзные собаки все спокойные, и Рика был таким же. Он преданно взглянул Сашке в лицо, обнюхал мою протянутую руку, пристально, с немым вопросом: «Ты надолго или как?», – посмотрел в мои глаза и неспешно пошёл в комнату. Больше на протяжении дня не показывался, лишь к вечеру, когда Саша снял со стенки поводок, тут же неслышно нарисовался в прихожей, и мы пошли с ним гулять.

На прогулке Саша рассказал историю появления Рики, полное имя которого было Рикардо. Как-то по осени встретился ему мужик, с помятым, опухшим лицом, явно с бодуна, из груди его доносилось клекотанье и писк. Сашка прошёл было мимо, но отчего-то обернулся на мужика. Обернулся и мужик. И вдруг, весь подавшись, что-то вытащил из-за пазухи, вроде как шапку меховую, и прохрипел: «Слышь, купи, а то утоплю».

Так Рика избежал смерти, мужик получил на опохмелку, а в квартире художников Петровых появился ещё один жилец.

Поначалу думали, что нежилец, у щенка обнаружилось воспаление лёгких. Но организм, спасённый от гибели в реке Карповке, боролся и победил. В ветлечебнице выписали на Рико документ. Имя псу оставили от несостоявшегося «Герасима», тот бормотнул, передавая мохнатого спасёныша: «Рикардо он, а там, как знаешь». Надо же, обсуждали в семье, даже имя дали, и вдруг – топить.

Рика признавал за хозяина только Сашку, остальные были обслуживающий персонал: почесать, покормить, выгулять, изредка помыть. Но хозяина целыми днями, а порой и ночами, не было дома, и Рико ждал. Лёжа на коврик в спальне родителей, нехотя вставал, когда его звали гулять или поесть. И сразу ложился на место, весь обращённый в слух, туда, где обычно появлялись первые признаки.

Можно было не сомневаться: если Рика с устремлённым на дверь прихожей взглядом, приподнялся, опираясь на локти, значит Сашкин жигулёнок уже повернул с Песочной набережной во двор. Пёс преображался, никакой лени и сонливости уже не было в его глазах: одно ожидание счастья. И вот, наконец, появлялся его кумир, его спаситель, его бог...

Никаких повизгиваний, бросания на грудь, а, тем более, попыток лизнуть в лицо – ничего такого Рика себе не позволял. Вообще был очень сдержан, лишь подёргивание хвоста выдавало нетерпение и радость от встречи. Подходил к Сашке, заглядывал в глаза, как бы проверяя его состояние: здоров-болен, весел-печален, а главное – любит ли его по-прежнему.

По каким-то неуловимым признакам определив, что хозяин в порядке и к нему не остыл, спокойно возвращался на свой коврик. Но уже не дрых, а внимательно прислушивался к тому, что делается на кухне, в ванной, туалете, мастерской – всюду, где был в эту минуту Саша.

Гулял без поводка и без намордника, держался рядом, как бы охраняя, лишь изредка отбегал «сделать дела». Флегма, говорил о нём Сашка, но за преданность ценил.

Всё изменилось в одночасье. От сердечного приступа внезапно умер Сашин отец, за ним в начале лета тихо ушла бабушка, а мать, пытаясь развлечься от постигших утрат, все дни проводила в яхт-клубе, где семья держала деревянную лайбу с тузиком на корме. Мы с Сашкой тоже постоянно разъезжали, и настал момент, когда вопрос: как быть с Рикой, – уже не терпел отлагательств.

Как-то мы поехали к моей маме в деревню Камышовку и взяли с собой Рикардо. Пёс впервые был в таком месте, где, кроме людей, бродят куры, козы, всюду снуют кошки, пахнет

навозом и цветущей сиренью. Он держался стоически, не проявляя тревоги или любопытства. Хозяин со мной – это всё, что мне надо, – было написано на его невозмутимой морде.

Я рассказала о проблеме с Рикой, и отчим, дядя Саша, вдруг заявил: «Оставляйте его здесь, собаке в деревне жить лучше». Ещё раньше, как только Рика вылез из машины, я заметила, что дядя Саша с него не спускает глаз, и вдруг такое предложение. «Он не останется, – возразил Сашка, но тут же уточнил: – Можно, конечно, попробовать хотя бы на лето».

Уехали мы по-тихому, всю дорогу у мужа дёргалось лицо, он готов был уже вернуться и забрать пса, но я отговорила. Через неделю созвонились, узнали, что Рика двое суток не ел, во сне стонал, как человек, но теперь уже выправился и дежурит с дядей Сашей на звероферме, где выращивают норок и чёрно-бурых лисиц.

Лето закутило нас, самое прекрасное лето нашей первой совместной жизни. Несмотря на сплошные утраты и разлуки, Сашка был деятелен, бодр и оптимистичен. Осенью мы хотели приехать за Рикой, но мама сказала, что нечего собаку таскать туда-сюда, что он привык и слушается дядю Сашу. А, главное, проявил себя прекрасным сторожем и охотником: отлавливает беглых норок и не душит их, а бережно прижимает лапами к земле, подзывая лаем хозяина.

До Нового года мы так и не появились в Камышовке, занимаясь делами, учёбой, да и мама с отчимом не советовали. Из телефонных разговоров узнали, что Рикку приняли в штат фермы, поставили на довольствие, что дядю Сашу уже неоднократно премировали за отлов беглой пушнины. Причём Рика ловил и пришлых, диких норок и рыжих лисиц, привлечённых на ферму кормами. Тех дядя Саша не сдавал, а оставлял себе, сам выделывал шкурки и продавал, так что собака оказалась прибыльной.

Ничего себе! – возбуждённо обсуждали мы подвиги Рикардо, – какое перевоплощение! Спал-спал на коврике, и вот, пожалуйста! Кто бы мог подумать, что в этой флегме и соне таится охотничье сердце? «Ведь это счастье для собаки, – говорила Валентина, – он наконец-то живёт полноценной жизнью. Мы все скучаем по Рике, но ему там лучше».

Ехали мы в Камышовку и представляли, как Рика нам обрадуется, как трудно будет уезжать. «Если что, заберём и всё», – повторял Саша, заранее улыбаясь от предвкушения встречи с любимым псом. Мы ожидали, что он выбежит из дома, слышав знакомый шум мотора. Хлопая дверцами машины, представляли, как он там скулит, чтобы его выпустили встречать... встречать. Вошли в сени – тишина.

И вдруг в проёме двери на веранду увидели громадную, лохматую собаку на пружинистых лапах, смотрящую на нас немигающим взглядом. Собака утробно и тихо рычала. Они ещё одну завели, решила я, но тут же поняла: нет, это Рика.

Сашка понял сразу и, сделав шаг, позвал по имени. Рика ощерился, зарычал, шерсть его поднялась дыбом, а глаза яростно сверкнули. Ещё пара секунд, и он бы бросился на мужа. Хорошо, что вышел отчим, иначе неизвестно, чем бы кончилась наша встреча. Он грозным окриком остановил метнувшегося было пса, а нам сказал: «Проходите скорее в комнату, Рика не любит чужих».

Вот так. Теперь мы ему чужие.

Когда сели за стол, дядя Саша рассказал, как по осени Рика вдруг начал по сучкам бегать, к тем, что в течке. Одна породистой оказалась, медалистка, так хозяин её выскочил и давай Рикку колотить чем попало, чуть голову не разбил. Калитку запер, забор высокий, собаке не выскочить. Приплёлся домой весь в крови, отлёживался сутки. Потом ничего вроде, только к людям теперь с опаской. Раньше ни на кого не рычал, а после лупцовки как подменили. Что шерсть narосла, так это понятно: зима, живёт на холодной веранде, вот и отращивает шубу.

Мы уехали на следующий день. Сашка навывдумывал каких-то срочных дел, но всем понятно было: расстроен таким Рикиным приёмом. Когда вышли к машине, отчим как раз на дежурство собирался. Рика сидит возле него и слушает внимательно, что ему хозяин гово-

рит, в нашу сторону не смотрит. Муж до последнего надеялся, что Рика хотя бы обернётся. Отчим рукой помахал, а пёс даже ухом не повёл, когда мимо них проехали.

С тех пор Сашка ни разу в Камышовке не бывал, я одна на электричке да на автобусе добиралась, но и то редко. Учёба, летняя практика вдали от Питера, потом надумали дачу на Псковщине покупать, поисками дома занялись. А через пару лет родился Лёнечка...

Как-то по осени приехала – нет Рики. Добегался по сучкам, да зависть обуяла местных мужиков за прибыль от пушнины, добытой ловким городским охотником. Отравили Рiku. Мучился сутки, бедняга, пока не помер, вздыхал дядя Саша, сильно привязавшийся к собаке.

Зато пять лет жил полной жизнью, утешала я себя в автобусе, слизывая слёзы со щёк. Настоящим мужчиной был, охотником, страстным донжуаном, верным и преданным другом, а не таким подлым, как его отравители.

Учитель

Кенарь-учитель

У нас к тому времени жил «учитель», кенарь, купленный на Кондратьевском рынке аж за тридцать рублей. А началось всё с того, что Сашка задумал писать картину «Птичий рынок». Дома у нас был большой аквариум, и муж часто ездил на этот рынок – то за кормом для рыбок, то пополнить население аквариума или поменять расплодившихся гуппи на барбусов.

На «Птичьем рынке» был особый мир по интересам, люди собирались, как в каком-то джентльменском клубе. Летом – под открытым небом, зимой – в павильоне. Приносили на продажу и обмен котят, цыплят, щенков, морских свинок, птиц разных – от щеглов до огромных попугаев Ара, – словом, всякой твари по паре, на которых имелся спрос.

Решение о покупке кенаря принималось на семейном совете: я, Сашка и Валентина. Обычного поющего кенаря можно было купить за десятку, необученного, если поторговаться, отдавали за трешку. А вот за «учителя», который способен других канареек обучить мастерству, просили не меньше тридцатки, да и то после уговоров и клятвенного обещания, что птицу не испортим.

Покупатель, то есть Саша, даст слово, что «кенарь-учитель» будет ежедневно тренироваться, для чего в доме должен быть музыкальный инструмент, на котором кто-то играет, или

хорошие звукозаписи. И непременно обеспечит его учениками, а то «учитель» потеряет навыки и станет просто певчим кенарем.

Сашка горел желанием иметь такую птицу, несмотря на отсутствие в семье музыкантов и туманной перспективы с учениками. В Доме Художников, поддержала его мать, непременно найдутся желающие заполучить своего певчего кенаря, когда послушают, как поёт наш «учитель».

Сейчас, вспоминая эти затеи, я понимаю их детскую природу, нашу наивность и безответственность, хотя Валентине было уже шестьдесят, Сашке тридцать, да и я немногим ему уступала. Но мы зажглись от его желания, и доводы рассудка в те дни оставили нас полностью.

Кенарь, которого мы так и прозвали – Учитель – был привезён вместе с оборудованной по всем правилам клеткой, запасом конопляного семени и каких-то специальных витаминов для голоса. Сам же ехал в переносной фанерной будке наподобие бидончика, с отверстиями размером в копейку.

Мы его, конечно, упустили, пытаюсь пересадить в клетку, и некоторое время Учитель летал по мастерской, присаживаясь то на фикус, то на перила лестницы, ведущей на антресоли. Сашка вспомнил, что кенаря можно приманить фруктами, и вскоре новый жилец был на месте.

Два дня Учитель не пел. Мы ставили ему пластинку с электронной музыкой Жана Мишель Жара, песни советских композиторов, пытались сами петь хором – ничего не помогало. Решили, что продавец бессовестно надул, подсунув за тридцатку даже не певчего кенаря, а необученного. Сашка собрался в ближайшее воскресенье ехать на «Птичий рынок» и разбираться.

Тот момент запомнился отчётливо, будто произошло это буквально на днях. Даже кто где находился и чем занимался. Валентина сидела у телевизора и рисовала, она всегда что-то рисовала, даже если смотрела кино. Шла передача то ли о Моцарте, то ли о Вивальди, диктор что-то рассказывал, весьма занудное. Клетка с Учителем стояла на тумбочке у кровати, её обитателя не было видно, он забрался в домик, где обычно спал.

Я в соседней комнате гладила Сашкины брюки, в которых он ходил исключительно на открытия выставок, в то время как муж раздевался в прихожей, вернувшись из литографской мастерской.

То ли передача закончилась, то ли, наоборот, вступила в практическую фазу, дружно запиликали скрипки – это всё-таки был Моцарт – к ним присоединился вокал, и через несколько секунд в дверях появилась Валентина с искажённым от изумления лицом. Она делала нам с Сашей знаки, но мы и сами уже догадались – больно уж вокал показался странным, каким-то неземным.

Да, это пел наш Учитель. Кто бы мог подумать, что такое щедедушное тельце способно извлекать из маленького клювика столь мощные и гармоничные звуки! Это было не щёлканье, не посвист, не трель, какие издают певчие птицы, это был неизвестный доселе инструмент, подхвативший партию скрипок и ведущий свою, параллельную, интонируя и временами прорываясь в соло.

С восхищёнными лицами, не смея пикнуть, мы лишь обменивались взглядами, посматривая временами на великого маэстро. Как только стихла музыка, Учитель умолк и стал весьма неблагородно чистить в пёрышках. Но лишь диктор оттарабанил очередной текст, и в дело вступила виолончель, томно и печально выговаривая начало мелодии, наш артист вострепнулся, помолчал несколько секунд, как бы ожидая своей партии, и завёл нечто испанское, на шёпоте и кастаньетах. Вслед за духовыми запел флейтой, всё разгоняясь и разгоняясь, и снова переходя на кастаньеты.

Мы были в шоке. Валентина порывалась бежать к соседям, тащить их, чтобы тоже послушали, но тут передача закончилась, и наше сокровище удалилось в свою спаленку.

Очень скоро мы поняли, что Учитель реагирует только на классику, всем инструментам предпочитает струнные, на фортепьяно фальшивит и прикидывается обычным кенарем. Джаз, электронную музыку переносит спокойно, но не подхватывает, а эстраду, за исключением Муслима Магомаева, ненавидит, противно стуча клювом о прутья клетки.

Весть о замечательном Учителе распространилась по Дому Художников, так что мы стали собирать желающих в группы. Купили пластинки с музыкой Моцарта и Вивальди и устраивали для гостей необычные концерты. Никогда до и никогда уже после в нашей квартире не царило такое счастливое согласие, как во времена Учителя.

Но человек ко всему привыкает, даже к самому прекрасному, даже к тому, о чём так страстно мечтал, отмахиваясь от советов, давая обязательства. Только несбывшееся способно удержать накал чувств, их свежесть, перекрывающую печаль...

Сашка написал свой «Птичий рынок», картину купил МинКульт, одновременно на мужа обрушился престижный заказ на эскизы гобеленов для Дворца Съездов, короче, стало не до песен и не до кенаря.

Наступила весна, Валентина пропадала в яхт-клубе, там у неё возникли новые отношения с кем-то из мореманов, и, перенося их на своё окружение, однажды она заявила: «Птица – тоже человек, нашему Учителю нужна пара».

Действительно, с наступлением тепла кенарь забеспокоился, то и дело посвистывал и пощёлкивал, а вылетая из клетки, сразу устремлялся к окну. Форточки мы предусмотрительно закрывали, боясь, что маэстро улетит.

Всё реже мы включали его любимую музыку, просто забывали об этом, занятые своими делами. Население Дома Художников по несколько раз побывало на его концертах, да и весна... весна...

Учитель стал петь под мелодии из телевизора, под гитару ребят во дворе, но это было без блеска, совершенно обычные трели, посвист и пощёлкивания. Он явно терял форму.

Поэтому предложение Валентины купить для кенаря самочку Сашка принял благосклонно, и вскоре вторая ярко-жёлтая птичка появилась в нашей квартире. В клетку она заселялась с приданным: верёвочным гнездом, выложенным внутри пуховым половичком.

Учитель обалдел от её присутствия, последний раз исполнил руладу перед новоявленной невестой, и больше мы уже никогда не слышали его голоса, только озабоченное курлыканье и пощёлкивание клювом.

Эти дурилки, то есть мы, как говорится, «не знали да забыли», что самцы поют, привлекая самочку, а вовсе не для нашего удовольствия. И если уж подруга ему доставлена, какой резон от пения? Исполнил соблазняющую серенаду и – в дамки.

Ох, как они хлопотали в своём жилище! Покупной коврик из гнезда выкинули, пух вырывали из себя, устилая им верёвочное дно. Учитель похудел, облез, стал совершенно не импозантным и уже не годился ни в учителя, ни в простые певчие кенари.

Не дожидаясь приплода, Сашка подарил парочку своему коллеге, художнику Всеволоду А., любителю и знатоку птиц. Тот намеревался после того, как минует период вскармливания, отсадить папашу и по мере сил восстановить его былую репутацию.

Кеша

Кеша – хорошая птичка

Это был тот самый вариант, когда домашний питомец падает с неба. Событие случилось зимой, в сквере между мастерской дяди Миши Аникушина и Песочной набережной. Валентина всё никак не могла понять, откуда он мог выпасть – поблизости не было ни одного дома.

Но Сашка, лучше знающий свою мать, предположил, что она ошиблась, ведь это не какой-нибудь снегирь, а волнистый попугайчик, и выпасть он мог только из окна. Она вся в покойницу бабушку, вечно всё путает, добавил он.

Произнося эти слова, муж стоял передо мной в перекошенной рубашке, которую застегнул не на ту пуговицу, как бы своим видом подтверждая наследственные признаки.

Попугайчик был пойман шапкой, в ней же принесён домой и выпущен отогреться. Светло-бирюзовый, с чёрно-белой «зеброй» на голове и крыльях, белой грудкой и хвостом. Сильно загнутый книзу клюв костяного цвета, а глаза будто искусственные: чёрные бусины в белом обрамлении.

Птица уселась на вешалку в прихожей, покачалась из стороны в сторону и вдруг скрипучим голосом отчётливо произнесла: «Кеша хорошая птичка», – и опять закачался, подсвистывая: «Псичка... псичка...». Так мы узнали, что это Он и что его зовут Кеша.

Пришлось опять ехать на «Птичий рынок», покупать клетку. В неё Кешу помещали на ночь или когда все уходили из дома. Только в клетке, укрытой Валентининым посадским платком, Кеша успокаивался и не мешал нам спать. Днём беспрепятственно курсировал по комнатам – куда люди, туда и он. Оставаясь один, обязательно набедокурит: щиплет листья

у фикуса, распустит вязание, а то заберётся в приоткрытую дверцу серванта и переключёт все конфеты.

Постепенно открывались его привычки и таланты. Когда мы садились за стол, Кеша тоже садился... на стол. Рассмотрев еду у каждого, подсаживался на край выбранной тарелки, как бы присоединяясь к трапезе, и угощался, деликатно доставая когтистой лапой понравившиеся кусочки. Когда с едой было покончено, он садился на плечо сотрапезника и начинал клювом чистить у него между зубами, да так ловко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.